

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

НАШИ ГОСТИ

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Из многих — самых разных по форме — наших крепких связей с художественной культурой ГДР есть одна едва ли не самая ценная: дружба творческих коллективов. Такая, например, как между Московским театром им. М. Н. Ермоловой и Магдебургским им. М. Горького. Ей уже добрый десяток лет. Театры начали с того, что обменялись режиссерами, а затем и гастрольями: сначала москвичи побывали в Магдебурге, а теперь — магдебуржцы у нас.

Показали они два совершенно разных спектакля. Объединяет же эти постановки — «Буриданов осел» У. Пленцдорфа и «Мария Магдалина» Ф. Хеббеля — одно: они современны и интересны. Особенно для нашего зрителя, так как ни драм Хеббеля, ни инсценировки столь нашумевшего прежде всего в ГДР романа Гюнтера де Бройна «Буриданов осел» он не видел.

У драматургии Хеббеля — судьба трудная. Появившись в середине прошлого века, она не сумела занять достойного ей места в немецком театре тех лет да и позднее продолжала оставаться скорее в литературе, чем на подмостках. Немногим лучшей была судьба едва ли не самой известной из хеббелевских произведений «Марии Магдалины». И тем не менее знаменитая реплика мастера Антона, завершающая эту «мещанскую трагедию», «Я перестал понимать этот мир!» стала хрестоматийной. Театр поставил эту «трагедию» скорее как «высокую драму».

В строгую бело-черную раму интерьера (художник Гюнтер Альтман) постановщик спектакля и директор театра Карл Шнайдер как бы «врезывает» персонажи в события почти столь же ординарные (по тем временам), сколь и печальные: внебрачный ребенок извечно становился причиной девичьих трагедий. У Хеббеля его героиня Клара попа-

ла именно в такую беду, которая неминуемо должна была завершиться ее гибелью. Для отца Клары нравственные устои, которым он подчинялся всю жизнь и которые стали основой жизни всей семьи, не имели права быть поколебленными ни при каких обстоятельствах. Нет человеческих оправданий человеческим проступкам. Не сгибаемый никакими бедами, закованный в черный сюртук, как в латы, — таким играет мастера Антона Йохен Нитцель. Только руки, сильные руки столяра, молотящие ладно сбитый стол, выдают происходящее в душе этого человека.

Но и Клара (Изольда Кюн) прежде всего дочь такого отца. Она не инфантильная девушка, на которую обрушилось горе, а женщина, готовая и умеющая постоять за себя. Ее решающий разговор с бывшим женихом Леонхардом (Хейко Хайнерт) не просьба, не унижение. И даже на коленях угрожает она изменнику и карьеристу, угрожает своей смертью.

В геометрически закованном мире не только трудно жить, но и дышать — мысль спектакля. Из него можно вырваться либо ценой жизни, как сделали Клара и жена мастера Антона (Урсула Хофман), либо ценой авантюры, как делает его сын Карл (Бернд Форпаль) — голова бесшабашная, но душа честная.

Совершенно другой «мир человека» выстраивает художник Гюнтер Альтман для пьесы «Буриданов осел», поставленной режиссером Гертлом Юргонсом. С самого начала нам предлагается разобраться в нагроможденной на сцене мебели и разной домашней утвари: где тут солидный дом Карла Эрпа, а где комнатуха молодой библиотечарши Бродек. История, которая раскрывается в многочисленных искрометных эпизодах, созданных известным писателем Ульрихом

Пленцдорфом, предельно банальна: жил сорокалетний мужчина в достатке, имел семью, затем влюбился в молоденькую, вроде бы ушел от семьи, но затем решил возвратиться. Вот и все. Впрочем, важно вот что (в романе многое обусловлено обстоятельными подробностями, а в инсценировке, где все сосредоточено на выявлении фабулы, они исчезли): коли собрался уходить из семьи — уходи. Известно, что знаменитый буриданов осел погиб от голода, не решив, с какой же охапки сена ему начать.

В спектакле герой не погибает. Он все же возвращается к семье. «Если бы не дети, если бы не они...» — говорит в финале его жена Элизабет (Гизела Хесс). Сам Карл Эрп (его легко, просто, как бы не задумываясь о причинах всего происходящего, играет Йохен Нитцель) поплыл по течению, которое возникло невесть откуда и течет невесть куда. Его друзья по работе да и по жизни — Хасслер (Готфрид Риммер) и Мантек (Клаус Гловалла) — стараются не столько вернуть Карла в семью, сколько подвигнуть его хоть на какое-либо решение.

Предмет увлечения Эрпа — женщина молодая, самостоятельная, вполне современная, знающая «свой маршрут» в жизни (Уте Лёк). Ее, сироту, по-своему опекает и наставляет соседка, госпожа Вольф (очень хорошая, запоминающаяся работа Гизелы Вальберг). А сама героиня практически начинает опекать Карла.

Если сопоставить оба спектакля наших друзей из Магдебурга, явно доставивших удовольствие зрителям, — приходишь к мысли, что, видимо, вседозволенность и «вертопрахность» одного не менее страшны, чем стены антоновского морального риторизма другого.

В. КЛЮЕВ,

кандидат искусствоведения.